

В.О. Чистякова

кандидат философских наук,

доцент НИУ «Высшая школа экономики»

vcchistyakova@hse.ru

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА В НАРРАТИВАХ «ПОПУЛЯРНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ»*

В статье рассматриваются формы и способы использования событий прошлого в политических целях на примере популярных образов войны 1812 года. Для анализа привлекается концепт «популярной культурной памяти», представляющий собой примененное к феноменам популярной культуры понятие культурной памяти, разработанное Яном Ассманом.

The forms and ways of political use of events of the past are analyzed by the example of popular images of the war of 1812. For this purpose the concept of "popular cultural memory" which is the notion of cultural memory developed by Jan Assmann and applied then to the phenomena of popular culture is used.

Ключевые слова: популярная культурная память, история, массовая культура, кино

Keywords: popular cultural memory, history, mass culture, cinema

Прошедший 2012 год дал разнообразный материал для осмысления связей между историческим событием, популярной культурой и коллективной памятью — страна отмечала 200-летие Отечественной войны 1812 года. Юбилей стал также поводом для аналитического рассмотрения опыта года 1912-го, когда состоялись официальные торжества в честь столетия данной войны. Многочисленные примеры обращения к этому событию, «пересказ» его при помощи тех или иных средств массовой коммуникации, выстраивание различных «патриотических нарративов», на национальном и локальном уровнях, позволяют сегодня написать историю конструирования образов войны в досоветский, советский и постсоветский период. Все три периода демонстрируют более или менее схожие «картины» данной войны, что позволяет трактовать ее как одно из наиболее узнаваемых и наименее спорных «мест памяти», общих для некоего неопределенного множества людей, хронологически и политически друг с другом крайне мало связанных¹. Именно согласованность «нарративов» вокруг этого события, их воспроизводство на протяжении весьма продолжительного периода времени и привлекают в настоящее время внимание исследователей. Как и любая другая кампания такого масштаба и такой значимости, Отечественная война 1812 года представляет собой весьма неоднозначное явление. При желании, ее можно было бы сделать спорным, конфликтным и даже травматичным «местом памяти», если поместить в пространство «публичной истории»² такие факторы, как измена западных губерний (которым 12 декабря 1812

© Чистякова В.О., 2013

* Статья написана в рамках выполнения научно-исследовательского проекта «Социокультурные системы и процессы в перспективе исследований памяти: новые объекты и ракурсы интерпретации», грант РГНФ № 12-03-00236.

¹ Понятие «место памяти» используется здесь в широком значении, указанном Пьером Нора: это любая «точка кристаллизации» коллективных воспоминаний, будь то имя собственное, песня, географическое наименование (например, Бородино) или что-либо еще. Подробнее об этом см.: Nora, Pierre. Between Memory and History: Les lieux de mémoire / Representations, No. 26, (Spring, 1989): 7-24.

² Понятие «public history» используется здесь в значении, сформулированном в конце 1970-х – 1980-х гг. в рамках американско-канадской гуманитарной мысли, включающей в себя историю, ее новейшие разновидности и смежные дисциплины. Под «public history» понимается история, которую может увидеть, услышать, «прочитать» и истолковать широкая аудитория. Это история, которая находится за пределами академической среды и принадлежит публике. См.,

года Александр I в честь победы над Наполеоном провозгласил прощение), внешнеполитически неоправданный заграничный поход русской армии, глубокие разногласия между Кутузовым и Александром I, разорение западных территорий, финансовый подрыв страны, провал эвакуации Москвы, многочисленные негативные последствия войны. Однако, начиная самое позднее с 1830-х гг., «производство истории» происходит таким образом, что война становится национально-освободительной и всенародной, все более закрепляясь в статусе «Отечественной»³. Ее возглавляет и одерживает победу в ней «великий русский народ». В публичное пространство попадают такие стороны события, как проявленный патриотизм, формирование народного ополчения (в которое мог вступить каждый, без различия сословий и занятий), упорная партизанская война, доблесть русских войск, талант и популярность в народе военачальников. Война была изнурительной и опустошающей, со значительными потерями в русской армии, в том числе небоевыми (связанными с истощением людей вследствие передвижений на огромные расстояния по плохим дорогам при плохом климате, недостатком продовольствия, воды и теплого обмундирования, распространением болезней и эпидемий). Но в современной коллективной памяти война предстает «легкой» (чуть ли не водевильной), красивой и эффектно выигранной⁴. Источником такого положения дел можно назвать следующий факт: во время правления Николая I в России впервые начинает осуществляться то, что значительно позже получит название «исторической политики»⁵.

Формы и способы использования событий прошлого в политических целях сейчас находятся в центре внимания многих аналитиков. Современную ситуацию в нашей стране и ряде зарубежных стран можно охарактеризовать как «одержимость историей», «тиранию прошлого» или даже как «истерию памяти». Само слово «память» указывает на интерес не столько к прошлому, сколько к отношениям между прошлым и настоящим. Ведь память есть в определенном смысле способ существования прошлого: именно в ней прошлое «живет», и при необходимости его можно актуализировать вновь и вновь. Все это, на первый взгляд, являет собой логическое развитие тенденции использования прошлого в политических целях («производства истории»). Но есть и другой аспект этого явления, хорошо заметный, если принять во внимание последние изменения в области технологий и средств коммуникации. Достаточно вспомнить оценку, данную Г.М.Маклюэном тому типу общества, которое приходит на смену «галактике Гутенберга» (письменно-печатной цивилизации). Это общество эпохи «постписьменной» - эпохи, для которой канадский ученый не подобрал однозначного наименования. Общество данного типа имеет выраженные «родственные черты» с дописьменными культурами: ориентированность на настоящее, повторяемость, цикличность, отсутствие «чувства истории» как чувства принадлежности события принципиально иному времени, отличному от настоящего и не подлежащему эмоциональным трактовкам с позиций сегодняшнего дня. На смену спокойному отношению к истории, свойственному письменным цивилизациям, приходит присущее до- и постписьменным

в том числе: Kelley, Robert. Public History: Its Origins, Nature, and Prospects / Public Historian, Vol. 1 (Fall 1978): 16-28.

³ Война 1812 года первая получает название Отечественной. Подробнее об этом см.: Война 1812 года и концепт 'отечество'. Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России. Исследования и материалы / Науч. ред. М.В. Строганов. Твер. гос ун-т. Науч.-исследоват. Центр твер. краеведения и этнографии. Тверь: СФК-офис, 2012, 688 с.

⁴ Так, очень часто одной из первых ассоциаций с 1812 годом выступает фильм Э.Рязанова «Гусарская баллада».

⁵ Термин «историческая политика» делает акцент на существующих отношениях между политикой и историей и описывает феномен в полной мере политический. Такое определение исторической политики дает, в частности, Алексей Миллер. Исследователь пишет: «Об исторической политике в строгом смысле слова следует говорить только применительно к обществам демократическим или, по крайней мере, более или менее плюралистическим, заявляющим о признании демократических ценностей, в том числе свободы слова. Собственно, именно в этих условиях и возникает политика как конкуренция различных политических акторов... В авторитарных режимах советского типа вмешательство власти в изучение истории и политику памяти было основано на официальной презумпции идеологической монополии, на механизмах цензуры и административного контроля над профессиональной историографией». См. Миллер А. Россия: власть и история / Pro et Contra, № 3-4, 2009: Историческая политика. Стр.10. Особенностью исторической политики, выстраиваемой вокруг события войны 1812 года в разные периоды отечественной истории, является непрерывная линия утверждения «здорового патриотизма с помощью истории», непротиворечивость в оценке данного события со стороны любой господствующей идеологии, «позитивный образ» войны.

культурам драматическое переживание исторических событий как «вечно свершающихся». «Для письменного сознания характерно внимание к причинно-следственным связям и результативности действий ... С этим же связано и обостренное внимание к времени и, как следствие, возникновение представления об истории»⁶. В этом смысле до- и постписьменные сообщества лишены «представления об истории» как об истории, и прошлое для них является неотъемлемым и зачастую – самым важным элементом настоящего.

Состояние коммуникативной среды (или специфика коммуникативной культуры) на современном этапе определяет, таким образом, новый тип взаимоотношений между настоящим и прошлым, что неизбежно накладывает отпечаток на занятия историей любого вида и уровня, от профессионального (академического) до творческого и любительского, на трансляцию, статус и рецепцию исторического знания. Данный фактор чаще всего не учитывается при оценке проектов «политики памяти»⁷ в отношении тех или иных событий (и в рамках настоящей статьи будет лишь намечена попытка выявить степень и характер влияния этого фактора на формирование постсоветской коллективной памяти). Для современной коммуникативной культуры в целом характерно преобладание «исторической эмоции» в деле репрезентации событий прошлого, и важнейшую роль при этом играют массмедиа. Зигфрид Зелиньски даже пишет, что продукция массмедиа в большей мере способствует пониманию исторических событий, нежели предшествующее рациональное/объективное/«историческое» описание прошлого⁸. Неизбежная вульгаризация, по мнению аналитика, всегда предпочтительнее безразличия, и культурные индустрии пробуждают в людях, мало осведомленных о важных исторических событиях, интерес к истории. Ещё один важный момент – возможность обогащения понимания истории посредством её репрезентации в разнообразных популярных жанрах. К тому же, быстрое увеличение числа продуктов массмедиа на исторические темы приводит к имеющему серьезные перспективы пониманию тех «опор», на которых неизбежно держится любая форма исторического знания. Другими словами, становится ясно, что история в любых её репрезентациях всегда представляет собой процессы и конструкции⁹.

Для анализа исторической политики, проводимой в тот или иной период истории нашей страны в отношении войны 1812 года, воспользуемся концептом «популярной культурной памяти», который разрабатывается в последнее время в западных науках с целью описания взаимодействия коллективной памяти и популярной культуры¹⁰. Словосочетание «культурная память» отсылает к работам Яна Ассмана: речь здесь идет об одном из внешних измерений памяти¹¹. Это специфическая для каждой культуры форма передачи и осовременивания культурных смыслов: то, что управляет поступками и переживаниями людей в рамках взаимодействия внутри определённого общества и подлежит передаче из поколения в поколение. Таким образом, культурная память – это процедура

⁶ Лотман Ю.М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры // Внутри мыслящих миров. Тарту, 1996. С. 346.

⁷ «Политика памяти» - понятие, родственное «исторической политике» и описывающее процессы конструирования коллективной идентичности при помощи определенной трактовки событий прошлого. В отличие от «исторической политики», «политика памяти» может осуществляться любыми сообществами (в том числе, не являющимися политической группой или партией), идентифицирующими себя на основании самых разных признаков. Термин «политика» здесь имеет расширенное значение, как социально значимые действия, производимые тем или иным коллективным субъектом с целью поддержания самоидентичности. Подробнее об этом см.: Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.

⁸ Zielinski, S. History as Entertainment and Provocation: The TV Series “Holocaust” in West Germany / in: New Germany, New German Critique (winter 1980/1).

⁹ Sobchak, V. The Persistence of History: Cinema, Television, and the Modern Event / New York: Routledge, 1996.

¹⁰ Отдельные работы на эту тему: Lipsitz, George. Time Passages: Collective Memory and American Popular Culture. University of Minnesota Press, 1989; Linke, Gabriele. Populärliteratur als kulturelles Gedächtnis: Eine vergleichende Studie zu zeitgenössischen britischen und amerikanischen ‘popular romance’ der Verlagsgruppe Harlequin Mills & Boon. Heidelberg: Winter, 2003; Erll, A. Gedächtnisromane. Literatur über den Ersten Weltkrieg als Medium englischer und deutscher Erinnerungskulturen in den 1920er Jahren. Trier, WVT, 2003.

¹¹ Подробнее об этом см.: Assmann, Jan. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. C. H. Beck, München, 1992.

ритуально оформленного неповседневного воспоминания. Из этого определения Ассмана, казалось бы, мало что можно извлечь для изучения связей между коллективной памятью и популярной культурой, если популярную культуру рассматривать как принадлежащую исключительно миру повседневности. Однако как минимум две составляющие «культурной памяти» могут оправдать экстраполяцию этого понятия на сферу популярной культуры: во-первых, сохранение культурной памяти требует существования профессиональных носителей (шаманов, жрецов, а если речь идет о популярной культуре – поэтов, писателей, художников, бардов, режиссеров, авторов и ведущих популярных телепрограмм и других продуктов массмедиа). Приобщение к культурной памяти специально организуется и контролируется этими специалистами. И, во-вторых, культурная память, рассматривать ли ее на примере древних обществ или современных групп, обосновывает идентичность сообщества, утверждает его устойчивое существование во времени¹². Наконец, понятие культурной памяти оказалось применимо к области популярной культуры тогда, когда обозначилось сближение значений «популярная» и «массовая». Это подразумевало, что сфера «популярного» оказалась интегрированной в массовое коммерческое производство образов, идей, сюжетов и смыслов; массовое же потребление этого «потока продукции» стало основываться на действии СМИ. Другими словами, массовая культура есть в каком-то смысле популярная культура эпохи массмедиа. При этом массовая культура охватывает уже не только повседневность, в ней есть место также и неповседневным мероприятиям, обрядам и ритуалам.

В процессе формирования «популярной культурной памяти» задействованы, как правило, все конструкции прошлого, из которых исходят и которыми руководствуются главные государственные институции. Именно они нуждаются в «чувстве традиции», гарантирующей ненарушимость оснований их собственной деятельности, преемственность по отношению к предыдущим формам управления¹³. Ими организовываются и поддерживаются, по выражению бирмингемских аналитиков, все пышные представления публичного «исторического театра»¹⁴ (например, парады в честь юбилеев – элементы механизма культурной памяти в понимании Ассмана, т.е. ритуально оформленные неповседневные воспоминания), а также многочисленные фрагменты повседневности, которые, благодаря медиа, пропитаны историей не в меньшей степени, чем публичные коммеморативные мероприятия. Это музейные экспозиции, туристические маршруты, предлагающие соответствующую сувенирную, развлекательную и популярно-просветительскую продукцию, фестивали исторических реконструкций, популярная литература, исторические компьютерные игры и все то, что относится к сфере массмедиа (в первую очередь экранных – фильмы, телевизионные шоу и пр.). Опорой и условием возможности существования «популярной культурной памяти» являются так называемые «популярные медиа»: нечетко определенное

¹² Согласно мысли Ассмана, память культурная относится ко времени «истоков», к «далёким» временам, о которых никто из ныне живущих не может иметь личных воспоминаний. В настоящем исследовании допускается также иная трактовка «далёкого» события: не столько в хронологическом, сколько в культурном смысле. Кинематограф, например, способен сделать культурно «далёким» любое изображаемое событие, даже то, которое происходит в момент создания фильма о нем. Как только событие становится опосредованным (медиатизированным), между ним и аудиторией возникает культурная дистанция. И именно факт медиатизации превращает память о событии в «память культурой».

¹³ Даже если в политическом смысле был произведен разрыв с прошлым; так, в 1930-е гг. И.В.Сталину понадобилось воссоздать исторический ряд великих полководцев, в который могла бы встать его собственная фигура, и созданный с этой целью фильм «Александр Невский» перевыполнил, можно сказать, возложенную на него задачу: в 1941 году фильм возвращают на экраны, и он переживает новую волну успеха, будучи помещен уже в контекст новых военно-исторических обстоятельств, а в 1942-м, в год 700-летия Ледового побоища, был выпущен плакат со ставшими широко известными словами Сталина: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков».

¹⁴ Группа по изучению популярной памяти (Popular Memory Group) Бирмингемского Центра современных культурных исследований (Centre for Contemporary Cultural Studies in Birmingham) разработала концепт «популярной памяти», при помощи которого пыталась анализировать «частное» и «локальное» в процессе запоминания/забвения, а также возможности конструирования памяти «снизу вверх»: от частного к общему, от единичного воспоминания к некоей total story. При этом в центре внимания оказываются отношения между памятью доминирующей (т.е. установленной господствующим социально-политическим порядком) и памятью локальных групп. К сфере «исторического театра» относятся все мероприятия, организованные в целях поддержания доминирующей памяти. Подробнее об этом см.: Popular Memory: Theory, Politics, Method / in: Making Histories: Studies in History-writing and Politics. Ed. Richard Johnson. London: Hutchinson, 1982.

понятие, однако, с очевидностью включающее в себя все источники (аудио)визуальных (с акцентом не на вербальный, а скорее на изобразительный компонент) сообщений, рассчитанных на самую широкую аудиторию. Исследователи иногда используют понятие «популярной культурной памяти», имея в виду набор знаний по той или иной теме, которым вооружен реципиент при чтении любого нового текста популярной культуры¹⁵. Обычно это примерно один и тот же «набор» у максимально широкого круга людей – именно поэтому новый текст оказывается прочитан и истолкован более или менее однозначно. Речь идет о своего рода «предзнании», «Vorwissen» (в терминологии Г.Г. Гадамера), с которым аудитория подходит к восприятию очередного продукта популярных медиа. Это «предзнание» было некогда сформировано при помощи, опять же, медиа, относимых к числу популярных, и оно пополняется со временем новыми деталями, красками и штрихами, но в целом остается неизменным по своей сути «руководством для чтения и понимания» тех или иных событий, явлений и процессов¹⁶.

Наконец, самым перспективным ресурсом для разработки концепта «популярной культурной памяти» представляются, на наш взгляд, теория (ре)медиации и понятие «media memory»¹⁷. Оба направления исследования опираются на феномен опосредованности воспоминаний, на необходимость «посредников» (медиа) между событием и его реципиентом. Таким посредником может выступать устное свидетельство, произведение фольклора, живописное полотно, роман, фильм, комикс, телесериал и т.п. Говоря точнее, речь идет о необходимости медиатизации (опосредования) события таким образом, чтобы адресат смог «прочитать» его как некий рассказ. Медиатизация в смысле нарративизации – вот опора и условие существования истории, памяти и всех событий, относимых к числу исторических¹⁸. История, будучи однажды рассказанной при помощи тех или иных средств, нуждается в периодическом пересказе. Иными словами, происходит эффект «ремедиатизации», или переопосредования, истории. И условием удержания истории в коллективной памяти является именно ее пересказ при помощи все новых и новых медиа. Так, роман Л.Н.Толстого «Война и мир» выдержал ряд экранизаций, адаптаций для телевидения, переложений для драматического театра, а также оперу С.Прокофьева и балет В.Овчинникова. При этом «переопосредованию» подвергается не только «содержание» истории, но и ее «средство»; другими словами, каждый последующий медиум в каком-то смысле переизобретает и ре-актуализирует предыдущий¹⁹. Термин «media memory» охватывает множество точек пересечения проблемных полей memory studies и media studies и ставит следующий вопрос: как действуют медиа в качестве «переносчика» (agent) памяти? Таким образом, популярную культурную память мы определим как разновидность коллективной памяти, чье воспроизводство происходит путем повторения одних и тех же сюжетов, нарративизируемых при помощи популярных медиа. Эти сюжеты, будучи

¹⁵ Подробнее об этом см.: Kukkonen, Karin. Popular Cultural Memory: Comics, Communities and Context Knowledge / Nordicom Review 29 (2008) 2, pp. 261-273.

¹⁶ Ярким примером действия коллективного «предзнания» может послужить история создания фильма «Василиса Кожина», названного в сентябре 2010 г. Фондом поддержки кинематографии социально значимым проектом. Сюжет фильма первоначально строился на том, что народную героиню Василису Кожину и французского лейтенанта Блие, убившего ее мужа, связывают любовные отношения. Снимать фильм начал режиссер Дмитрий Месхиев. Потом, под напором поднявшейся в обществе волны возмущения, от этой идеи отказались, заменили режиссера на Антона Сиверса и сделали возлюбленным Кожинной русского офицера Ивана Рокотова. «Победа в войне становится победой любви дворянина и крепостной крестьянки», – говорится в анонсе этого 4-х серийного фильма. Здесь хорошо видны и традиционный «набор» знаний о войне 1812 года, не допускающий любви между народной героиней и французом, и пополнение этого «набора» элементами других «общих мест» популярной культурной памяти, в числе которых – сюжет о любви дворянина и крепостной (пушкинская «Барышня-крестьянка», история Прасковьи Жемчуговой и т.п.).

¹⁷ Ключевыми работами здесь являются следующие: Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory / Ed. by Erl, Astrid and Rigney, Ann. Walter de Gruyter, 2009; On Media Memory: Collective Memory in a New Media Age / Oren Meyers, et al. (eds.). Palgrave Macmillan, 2011.

¹⁸ Связь нарративности и памяти была обнаружена еще Полем Рикёром: он подчеркивал, что мы обладаем «нарративной» идентичностью, другими словами, мы есть то, что сами о себе рассказываем, и воспоминания – это наши рассказы. То же самое можно отнести и к памяти коллективной, в которой хранится история сообщества, города, страны.

¹⁹ О видах ремедиации подробнее см.: Jay David Bolter and Richard Grusin. Remediation: Understanding New Media. Cambridge, MA: The MIT Press, 1999.

«законсервированы» в коллективной памяти и выступая консервативным (стабилизирующим) элементом жизни общества, воспроизводятся в измененном, но непременно узнаваемом виде в течение долгого периода времени. «Носителем» памяти (или пересказчиком ее сюжетов) выступают здесь популярные медиа (средства массовой информации), разновидности которых также меняются от эпохи к эпохе.

Государственные институты, занятые «производством истории», выполняют двойную функцию: более или менее бессознательно «воспроизводят» ткань популярной культурной памяти вокруг прошлого (поскольку сами сформированы ею) и выступают инициаторами и заказчиками дальнейших ее модификаций. Вокруг события войны 1812 года – как уже говорилось, первой из войн, получивших статус Отечественной, достижения государственной исторической политики особенно хорошо видны. Сегодня некоторые исследователи отмечают определенное однообразие содержания этой войны, как будто она сплошь состоит из героических баталлий, политических интриг и жизни «света» по обе стороны фронта. Некоторое однообразие создает также непрерывная (усиливающаяся в юбилейные годы) идеализация всенародного порыва. Стараниями литераторов, художников и историков XIX века создана галерея героев, ставших хрестоматийными персонажами русской истории. Возникает ощущение, что о войне уже все сказано, и она в каком-то смысле даже скучна. Однако цена этой «скуки» (делающей это нетривиальное событие в чем-то даже «заурядным», если речь идет о сегодняшнем массовом повседневном восприятии) чрезвычайно высока. Во-первых, именно такие непротиворечивые, позитивные образы героического прошлого служат богатейшим источником для формирования коллективных идентичностей новейшего времени²⁰ и опорой политической власти в деле конструирования современного и будущего образа страны. А во-вторых, необходимо учитывать объем и характер усилий, предпринятых политиками разных периодов истории нашей страны – собственно, о стране как о «нашей», идет ли речь о XIX веке или 2000-х годах, мы можем говорить именно благодаря этим усилиям, вольно или невольно носящим характер преемственности. Эти усилия подразумевали широкий диапазон мер, от единичных культурных акций до разработки норм систематического исторического воспитания, которые сложились в итоге в весьма успешный историко-политический проект, выстроенный вокруг 1812 года. «Популярная культурная память», заботливо выращиваемая начиная с того времени, когда эта война еще велась, и вплоть до сегодняшнего дня, выступает своего рода «историческим ресурсом» одной эпохи по отношению к последующей – в том числе, если эти эпохи условно разделить на досоветский, советский и постсоветский период.

Выделим некоторые характерные шаги, определившие направления формирования «популярной культурной памяти» об этой войне. Император Николай I издает в 1836 году Указ об изучении и изложении Отечественной войны и патриотического подъема населения всей России в 1812 году, реализация которого возлагается на генерал-лейтенанта А.И. Михайловского-Данилевского. В том же 1836 году был составлен вопросник, по которому должен был производиться сбор материала для будущей истории войны. Опрос должен был производиться по всем губерниям России. Для выполнения порученного ему задания Михайловский-Данилевский предложил следующие вопросы:

1. Какие были в губернии пожертвования людьми и деньгами?
2. Не было ль особенных каких-либо сделанных приношений?
3. Какие вследствие Высочайших манифестов об опасности Отечества последовали от начальства приглашения, объявления или воззвания?²¹

²⁰ Так, участие калмыков в Отечественной войне 1812 года во многом стало основой для калмыцкого искусства постдепортационного периода, когда необходимо было заново интегрироваться в советское общество (республика была упразднена в 1943 году). Национальное самосознание тогда искало опору в более далеком прошлом, когда калмыки доблестно сражались за Россию. К 150-летию войны с Наполеоном художник Гаря Рокчинский (1923-1993) создает полотно «Герой Отечественной войны 1812 года, рядовой Цо-Манджи Буратов», которое демонстрируется на выставках разного уровня.

²¹ См., например: Переписка Оренбургского гражданского губернатора о доставлении ему сведений, необходимых для написания Отечественной войны 1812 года. ЦИА РБ. Ф. И-6. Оп.1. Д.134. Л. 1-2.

Не анализируя здесь ход и результаты кампании по сбору данных, обратим внимание на специфику поставленных вопросов. Помимо того, что данные вопросы определили направление количественных исследований войны 1812 года (историки до сих пор с увлечением спорят о количестве ополченцев, лошадей, провианта, сумм пожертвованных денег, и т.п.), интересен следующий факт: опрос исходил из предпосылки, что все губернии предпринимали добровольные шаги помощи фронту и действующей армии. Всеобщая добрая воля, направленная на содействие победе – вот что должен был выявить опрос, помимо реальных цифр и невзирая на реальное положение дел в отдельных губерниях (реакцию местного начальства, позицию провинциального дворянства и др.). Здесь мы имеем дело с одним из ярких признаков формировавшейся в первой половине XIX-го века тенденции описывать войну как «народную»: это была «борьба русского народа за независимость своей страны». Под «народным» характером войны тогда понималось участие в ней всех слоев населения. Развитие этой тенденции привело в итоге к появлению огромного числа изданий как академических, так и популярных, служащих задаче оформления национальной доктрины. «Национально-патриотическое» направление стало главным в исторической науке XIX века, что во многом помешало развитию критического дискурса вокруг событий этой войны. Характерными трудами этого направления можно назвать «Описание Отечественной войны в 1812 г.» (СПб., 1839) А.И. Михайловского-Данилевского, редактором которого выступил сам Николай I, и «История Отечественной войны по достоверным источникам» (СПб., 1859-1860) М.И. Богдановича. Обе работы написаны по высочайшему повелению, в обеих специально подчеркивается роль русского императора²². В советский период в этом отношении был сделан, по существу, только некоторый перенос акцентов: основное внимание историков занимала уже не столько роль государя, дворянства и военачальников, сколько крестьян, солдат, рядовых поселян: дореволюционная историография войны дала прекрасный материал для создания советской идеализированной модели народа-патриота. Отдельным явлением советской историографии войны 1812 года следует назвать взгляды историка-марксиста М.Н. Покровского. Война для него была «непосредственным результатом разрыва франко-русского союза»²³, и ответственность за ее начало историк возлагал на Россию. При этом отрицался народный характер войны, звучала критика в адрес «романтической картины народа, как одного человека, поднявшегося на защиту своей родины»²⁴. Покровский старался утвердить в общественном восприятии 1812 год как одно из закономерных, рядовых событий в процессе развития торгового и промышленного капитала России. Сначала такой взгляд на историю получил поддержку в советском руководстве, и в 1920-х – начале 1930-х гг. был даже выпущен ряд изданий данного направления, в том числе учебные пособия. Однако уже во второй половине 1930-х гг. труды Покровского были публично осуждены, а его теория подлежала искоренению не только из учебных программ, но и из общественной памяти. Было объявлено, что его концепция «лишена чувства родины», а его работы не выполняют ленинско-сталинских указаний по вопросам истории. Логично, что у данной теории не было ни малейших шансов попасть в сферу популярной историографии и вписаться, так или иначе, в зону действия «популярной культурной памяти». Публичный образ Отечественной войны 1812 года представлял собой уже настолько богатый «исторический ресурс», что его потенциал в новых, не устоявшихся, политических обстоятельствах виделся советскому руководству значительно более полезным и ценным, нежели марксистские инновации в историографии. И советские историки вновь возвращаются к изучению «русской воинской славы», а перед исторической наукой опять ставится задача патриотического воспитания народа, в первую очередь молодых поколений²⁵. Берется курс на преодоление

²² Следует отдельно отметить первую, по сути, попытку критического обзора историографии войны 1812 года, предпринятую по случаю 100-летнего юбилея войны группой русских историков. Речь идет о семитомном издании «Отечественная война 1812 года и русское общество. 1812-1912». М. 1911-1912. Критическому анализу русских трудов о войне посвящена статья В.П. Алексеева «Отечественная война в русской исторической литературе» (Т. VII).

²³ Покровский М.Н. Русская история. В 3-х тт. Т.3. СПб.: Полигон, 2002. С. 5.

²⁴ Покровский М.Н. Русская история. В 3-х тт. Т.2. СПб.: Полигон, 2002. С. 13.

²⁵ Постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 15 мая 1934 г. N 1140 «О преподавании гражданской истории в

нигилистического отношения к дореволюционной истории.

Примером, во многом противоположным случаю Покровского, можно назвать судьбу трудов блестящего историка Е.В.Тарле. Его книга «Наполеон» была напечатана массовым тиражом в серии «Жизнь замечательных людей» в 1936 г., «Нашествие Наполеона на Россию» появилось год спустя сначала на страницах журнала «Молодая гвардия»²⁶, а в 1938 г. вышло отдельным изданием. В дальнейшем книги ученого многократно переиздавались. Его работы практически сразу вышли за рамки профессиональной аудитории и получили популярность в широких кругах. В книгах Тарле удачно сочетаются строгость научного исследования и живость изложения; вдобавок ко всему центральное место в его трудах занимает проблема русского народа в войне 1812 года, который, по мнению историка, сыграл в ней главную роль (под народом Тарле понимал крестьянство). Отдельные воззрения Тарле совпали с чисто политическими запросами конца 1930-х гг., когда 125-летие с начала Отечественной войны 1812 года невольно заставляло переносить опыт прошлого на текущую обстановку вокруг СССР. Пропагандируя эту войну и ее уроки, советские средства массовой информации рисовали несостоятельность намерений «новых Наполеонов». Тарле писал, что события 1812 года, когда русский народ победил Наполеона, «непобедимого гиганта, величайшего полководца вселенной, звучат ныне поистине злободневно»²⁷.

Здесь перед нами весьма удачный пример того, как «история, которая принадлежит публике» (public history), работает на идентичность уже совершенно нового социально-политического образования. Стараниями 125-летней популярной историографии 1812 года к концу 1930-х – началу 1940-х гг. был создан мощный инструмент для дела массовой пропаганды и мобилизации общества в ходе противостояния новому врагу. Сюжет героической победы народа над Наполеоном переживает очередную ступень ремедиации и переносится со страниц печатных изданий на экран. Память о победоносной войне 1812 года ре-актуализируется средствами кино. Киновед Н.Зоркая рассказывает в одной из своих статей об опыте создания фильмов «оборонной тематики», приводя в пример короткометражки Григория Козинцева, созданные в начале войны 1941-1945 гг. в Ленинграде. «... бойцы охотно смотрели «Случай на телеграфе», смеялись. Шутка тогда была нужна людям. Действие фильма происходило у окошка телеграфа. Расталкивая очередь, пробивался вперед, ..., запыхавшийся человек в военном французском мундире и треуголке. Торопясь, он протягивал бланк: «берлин гитлеру тчк пробовал зпт не советую тчк наполеон». Наполеон Бонапарт скрещивал руки на груди и бросал зловещий взгляд на телеграфистку. «Два семьдесят, – подсчитывает девушка, не обращая внимания на смысл слов и внешность клиента. – Гражданин, не задерживайте, следующий!..»²⁸. Таким образом протягивалась единая историческая линия от 1812-го до 1941 гг. – линия идентификации, соединившая в массовом сознании и героев войны с Наполеоном, и тех, кому предстояло стать героями новой войны. Еще один характерный эпизод принадлежит искусству анимации. В одном из сюжетов, входивших в сборник мультипликационного киножурнала политсатиры «Киноцирк» 1942 г., авторы фильма, опять же, сводят вместе две исторические фигуры: Наполеона и Гитлера. Подобное сопоставление возникло вследствие того, что и один, и другой решили завоевать Россию, но если результат наполеоновского вторжения известен, то гитлеровская кампания на момент создания фильма завершена не была. Поэтому его создатели, выстраивая параллели между двумя военными кампаниями, в сюжете фильма отправляют рисованного Гитлера за советом к Наполеону. Используя такое сопоставление, авторы фильма заранее предвещали ему тот же конец. Это подчеркивает завершающий кадр, в котором Наполеон, лежащий в гробу, на вопрос Гитлера «Стоит ли ему идти на Россию?» отвечает: «Ох,

школах СССР» (СЗ СССР, 1934, N 26, ст. 206).

²⁶ Молодая гвардия. 1937. № 10-12; 1938. № 1-3.

²⁷ Тарле Е.В. Освобождение России от нашествия Наполеона / Тарле Е.В. Сочинения: в 12 томах. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1957-1962. Т. 11. С. 705.

²⁸ Козинцев Г. Цит. по: Зоркая Н. Визуальные образы войны / Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. Стр. 741. В статье Н.Зоркой описывается «Случай на телеграфе» – «Боевой киносборник», 1941 г., № 2, сюжет № 5. Сц. Л. Арнштам. Реж. Л. Арнштам, Г.Козинцев. Наполеон – Л. Канцель.

Адольф, ложись лучше сразу рядом».

Говоря об экранных способах ре-актуализации образов популярной культурной памяти, нужно несколько слов сказать об опыте игрового кино, и в первую очередь – о фильме «Кутузов» В.М.Петрова (1943). Здесь необходимо коротко описать логику и тематическое направление попыток использовать «исторический ресурс» 1812 года в новых внутренне- и внешнеполитических обстоятельствах, попыток, задействующих кино как самое эффективное на тот момент (наряду с радио) средство массовой информации. В апреле 1939 г. руководитель советской кинематографии С.С. Дукельский назвал 1812 год темой, представляющей особый интерес для кино²⁹. Возникла идея картины, которая по изначальному замыслу должна была сконцентрироваться на героизме широких масс (предполагаемое название картины - «Народная война 1812 года»). В августе 1939 года И.Г. Большаков (сменивший Дукельского) представил В.М. Молотову записку о тематическом плане на 1939-1940 гг. В ней был описан кинопроект под названием «1812 год», в котором, помимо героизма русских солдат и крестьян, в определенной мере раскрывается и роль исторических личностей, в частности, М.И.Кутузова. Замысел, таким образом, трансформировался от фильма о народном партизанском движении к полководческой киноленте. Заявки на экранную репрезентацию событий 1812 года демонстрируют поворот от народной драмы к показу конкретной великой личности. Происходило постепенное переключение внимания с массы на индивидуального героя – тенденция, которую можно проанализировать и на более широком киноматериале данного периода³⁰. Однако в контексте настоящего исследования ее следует вписать скорее в феномен «портретирования» героев войны: «портретирование» представляет собой прием, превращающий реальное историческое лицо в «место памяти» народа на протяжении длительного периода времени. Создавая «портрет», соответствующие институты медиатизировали образ исторического деятеля, позволяя ему войти в пространство популярной культурной памяти и закрепиться в нем. Для создания «портретов» использовались самые разные медиа. Собственно, живописные портреты русских генералов, участвующих в кампании 1812 года, наполнили Военную галерею Зимнего дворца в Санкт-Петербурге – галерею, торжественно открытую в 1826 году и затем неоднократно пополнявшуюся новыми портретными изображениями, в том числе и в советское время. В поэзии и прозе XIX века также рисовались «портреты» исторических личностей эпохи Отечественной войны, большинство из которых тяготело к эпическим героям. В литературе классическим примером (и источником для многочисленных адаптаций для экрана и сцены) стали образы героев, созданные в произведениях Л.Н. Толстого. Сам по себе механизм мобилизации культурной памяти «через» популярную историческую личность и легитимацию при ее посредстве текущих политических реалий не представлял собой в конце 1930-х – начале 1940-х гг. ничего нового. Во время и после Отечественной войны 1812 года в России прошла настоящая волна восхваления персонификаций «русского духа»: страницы периодических изданий заполняли имена Козьмы Минина, Артамона Матвеева, Федора Ртищева, Александра Суворова и других русских героев. Публиковали речь Дмитрия Донского к войску перед сражением на Куликовом поле, портрет Ивана Сусанина с подписью «Умрем все за веру и Царя-Государя», портрет Козьмы Минина, материалы о тактике Суворова и мн. др. Накануне и во время войны 1941-1945 гг. примерно такая же кампания развернулась вокруг фигуры Кутузова: полководец вошел в перечень великих предков, упомянутых Сталиным на ноябрьском параде 1941 года, его образ тиражировался сотнями тысяч плакатов первых лет войны³¹. Что же касается фильма,

²⁹ Подробнее об этом см.: Кремлевский кинотеатр. 1928-1953: Документы. – М., 2005. С. 540.

³⁰ За короткий период в СССР создается несколько полководческих кинолент: это «Александр Невский», 1938, реж. С.Эйзенштейн, «Суворов», 1940, реж. В.Пудовкин (образ Суворова, на коне и с саблей, был использован в 1941 г. для создания плаката, на котором изображались также красноармейцы и приводились слова Сталина и фраза Суворова «Бей, коли, гони, бери в полон!»); «Кутузов», 1943, реж. В.Петров; «Адмирал Нахимов», 1946, реж. В.Пудовкин; «Крейсер «Варяг» 1946, реж. В.Эйсымонт (фильм хронологически привязан к успешному для СССР исходу советско-японской войны 1945 г., которая, не исключено, ощущалась Сталиным и как «рванши» в отношении русско-японской войны 1904-1905 гг.); «Адмирал Ушаков», 1953, реж. М.Ромм, «Минин и Пожарский», 1939, реж. В.Пудовкин и М.Доллер, и др.

³¹ Образ Кутузова и тема 1812 года до Великой Отечественной войны и на начальном её этапе были хорошо разработаны

*В. Чистякова Отечественная война 1812 года в нарративах
«популярной культурной памяти»*

то в отношении него распространена точка зрения, согласно которой «Кутузов» появился в связи с необходимостью объяснить отступление советских войск в 1941-1942 гг. В предвоенный период фильм о 1812 году не реализовали, так как кутузовская стратегия противоречила тогдашней стратегии РККА. «В предвоенный период Сталин считал единственно допустимым видом сражения стремительное наступление и разгром противника на его территории. И наиболее подходящей фигурой для функционального обеспечения этой доктрины он посчитал генералиссимуса Суворова»³². То есть концепции смелых наступательных операций и быстрого перенесения войны на территорию противника был более созвучен фильм «Суворов» (1940). «Однако к концу войны образ Кутузова становится для Сталина гораздо ближе, чем Суворова, ибо полководческую тактику Кутузова Сталин счёл возможным примерить к своей деятельности в 1941-42 годах»³³. Такое же мнение выражает и историк советской культуры Е.Добренко: «Но вот ситуация резко изменилась: наступление (а тем более «победа на чужой территории») перестало быть актуальным сюжетом. Напротив, идеологического обоснования потребовало отступление. На смену Суворову приходит Кутузов. Фильм о Кутузове входит в число приоритетных лент. Сталин требовал выпустить фильм как можно скорее, ещё до конца войны»³⁴. Кинокартина, таким образом, стала одним из самых удачных и характерных примеров использования (и одновременно наращивания) потенциала популярной культурной памяти вокруг исторического лица, а точнее - вокруг его «портрета», который формировался до этого при помощи различных медиа на протяжении долгих десятилетий³⁵.

Еще один феномен, который интересно было бы рассмотреть, разрабатывая концепт популярной культурной памяти, - это юбилеи. Они представляют собой настоящий «мультимедийный проект», включающий в себя целую «палитру» медиа: с одной стороны, самостоятельных, а с другой – звучащих «в ансамбле». В отношении 1812 года состоялось уже два весьма серьезных юбилея – 100-летие и 200-летие Отечественной войны. И в первом, и во втором случае юбилеи пришлось на период нестабильной государственности, поисков культурной идентичности, попыток объединить сообщество. Плодотворной представляется попытка сравнить оба коммеморативных события, выявив попутно специфику популярной культурной памяти, присущей современной России.

Что касается 1912 года, то 100-летний юбилей войны как нельзя лучше подошел для целей консолидировать российское общество, продемонстрировать единство власти и общества как историческую традицию, укрепить авторитет правящей династии. Эти цели были чрезвычайно важны для государственной власти, так как позади был 1905 год, а впереди - Первая мировая война. В этот период в коммеморативные практики вокруг 1812 года привносится нечто новое: оформляется идея музеефицировать войну (то есть война начинает переживаться как объект культурного наследия)³⁶, специально к юбилею снимается фильм «1812» (совместное производство «Патэ» и

в разных видах искусства, и особенно в театре. В 1940 г. В.Соловьёв создает пьесу «Фельдмаршал Кутузов», удостоенную в 1941-м Сталинской премии второй степени. В годы войны пьеса шла во многих театрах. На основе этой пьесы был создан сценарий фильма, который впоследствии снял В.Петров.

³² Латышев А. «Суворов»: на взгляд полководца / Искусство кино. – 1990. – № 5. С. 4.

³³ Там же. С. 6.

³⁴ Добренко Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: НЛЮ, 2008. С. 150.

³⁵ Параллели между современностью и историей напрямую проводились в прессе того времени. «Советские люди испытали, пережили то мгновение, когда должен был наступить и наступил перелом в ходе войны, когда наша чаша весов, дрогнув, перевесила, и отступление перешло в наступление и увенчалось первыми победами. Этого часа никто из нас никогда не забудет. Он незабываем, ибо пришел вовремя и не волею случая, а волею гения вождя и силою духа народа. Вот почему, когда перед нами на экране в Малоярославце Кутузов слышит весть об уходе Наполеона из Москвы и восклицает: «Спасена Россия!» – мы чувствуем себя не зрителями исторической сцены, а её участниками». Слезкин Ю. Слава двенадцатого года. Новый исторический фильм «Кутузов» / Комсомольская правда. – 1944. – 19 марта. С. 3.

³⁶ Вот о чем говорится на сайте Музея Отечественной войны 1812 года, который открылся только к следующему, 200-летнему, юбилею: «В 1912 году, к 100-летнему юбилею, публике представили коллекцию, специально собранную для музея. За отсутствием здания выставку открыли в залах Государственного исторического музея, в то время – Императорского Российского исторического музея имени Александра III. С тех пор сменились и расстановка политических сил в Европе, и оценка многих исторических событий. Но отношение к войне 1812 года осталось неизменным – как к романтической, народной, символу чистой славы и светлого патриотизма. Поэтому спустя еще 100 лет коллекция вновь выставлена в тех же стенах – но теперь это созданный по всем правилам музей». См.: <http://1812shm.ru/museum/istoriya.html>

А.Ханжонкова). Этот большой фильм (продолжительностью один час пять минут) представлял собой серию киноиллюстраций к истории войны 1812 года, расположенных в хронологическом порядке и выполненных в основном по популярным произведениям русских и иностранных художников, пишущих на исторические сюжеты³⁷. Фильм был весьма любопытной попыткой воспроизвести событийную канву Отечественной войны без опоры на какой-либо литературный источник, в виде набора самостоятельных эпизодов-иллюстраций, имеющих естественную хронологическую последовательность, но не объединенных вымышленными героями и сюжетной интригой. С 1905 года на граммофонные пластинки стали записываться музыкальные произведения, посвященные Отечественной войне 1812 года: военные марши, сигналы боевого управления, солдатские песни и др. И граммофон, и кино были на тот момент «новыми» медиа. Но были широко задействованы и старые медиа: на 1912 и непосредственно предшествующие ему годы приходится всплеск публикаций воспоминаний, исследований и популярных книг о войне 1812 года. Как пишет К.Н. Цимбаев, «в воспоминаниях о былых ратных успехах и великих победах общество искало утешения и новых ориентиров, а государственная власть – после революции 1905-1907 гг. – новых способов легитимации»³⁸. Следует также отметить активность печатных СМИ в освещении юбилейных торжеств. Помимо публикации сведений о торжествах на Бородинской поле, в Петербурге и в Москве, газеты регулярно сообщали о проводимых мероприятиях в различных уездах и губерниях, формируя у читателей представление о единстве общества. Петербургское телеграфное агентство извещало о многочисленных телеграммах, полученных со всех концов России, свидетельствующих о «повсеместно происходивших при праздничном ликовании народа торжествах по случаю столетней годовщины Бородинского боя. Во всех храмах совершены торжественные богослужения, после чего на городских площадях происходили всенародные благодарственные молебствия с участием воинских частей, представителей всех ведомств, учащихся и бесчисленного множества народа»³⁹. Таким образом подчеркивался всенародный характер праздника и всеобщий подъем патриотических чувств.

В 2012 году государственная власть также приложила немало усилий для организации 200-летнего юбилея Отечественной войны. Это событие нашло отражение в Федеральном законе «О днях воинской славы России», где в перечень дней воинской славы России включено 8 сентября - день Бородинского сражения. В 2007 г. Президент России Владимир Путин подписал Указ «О праздновании 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года», а в 2009 г. указом Дмитрия Медведева была создана Государственная комиссия по подготовке к празднованию 200-летия победы России в Отечественной войне 1812 года. По всей России было организовано и проведено огромное количество молодежно-патриотических акций, фестивалей, конкурсов, выставок, военно-исторических реконструкций, главная из которых состоялась на месте Бородинского сражения (эта реконструкция имеет свою длинную историю, начавшуюся в 1839 году, когда она впервые была проведена по инициативе и под личным руководством Николая I). Был налажен выпуск специальных юбилейных изданий, рекламной и сувенирной продукции. Было запущено несколько Интернет-проектов, посвященных 1812 году.

При всей схожести двух юбилейных ситуаций, налицо одно существенное различие. Видимо, 1912 год был для России чем-то вроде (грядущего) 70-летия войны 1941-1945 гг. Именно эта война чаще всего становится (и становилась) материалом для попыток реконструировать личный опыт человека на войне, с привлечением возможностей различных медиа (в том числе и в рамках кинопродукции для массового зрителя, что нехарактерно для медиатизации всех других военных

³⁷ Здесь мы имеем дело с ремедиацией живописи: ряд кинокадров представлял собой, по сути, экранизацию знаменитых произведений батальной живописи XIX в. В числе таких произведений – работы В.Верещагина, создавшего знаменитый цикл картин на тему Отечественной войны: «Наполеон I на Бородинских высотах», «В Кремле пожар», «На большой дороге – отступление, бегство» и др.

³⁸ Цимбаев К.Н. Феномен юбилея в российской общественной жизни конца 19 – начала 20 века // Вопросы истории, 2005. № 11. С. 99.

³⁹ Омский телеграф. Омск, 1912. № 190. С. 3.

*В.Чистякова Отечественная война 1812 года в нарративах
«популярной культурной памяти»*

кампаний, проводимых в досоветский, советский и постсоветский период). Уникальность формирования памяти вокруг события войны 1941-1945 гг. заключается в том, что, как пишет Н.Копосов, «опыт войны был действительно массовым опытом, и хотя он давно и многократно опосредован множеством коммуникативных систем, граждане привыкли воспринимать его как личный (или семейный) опыт. Идея о связи национальной истории с судьбой каждого россиянина здесь выступает, как нигде, наглядно»⁴⁰. Год 1912-й, по всей вероятности, тоже стал в каком-то смысле временем переживания и анализа личных связей с войной. Не так давно ушли последние свидетели этого события (для празднования 100-летнего юбилея было найдено, по разным данным, пять-семь человек, чей возраст перешагнул за сто лет и кто еще как-то помнил войну). Внутри общества, как заметила историк Т.Сабурова, юбилей был использован для укрепления идентичности не только власти, но различных социальных групп, например, интеллигенции. Впервые были сделаны попытки сделать 1812 год частью «своей» истории, отличной от казенно-патриотического дискурса⁴¹. И память о Великой Отечественной сейчас начинает переживать осязаемое расслоение: будучи (все еще) единственным, по сути, оплотом коллективной идентичности современной России и, по этой причине, главным действующим «лицом» публичного «исторического театра», она все чаще используется для формирования идентичностей иного рода.

Что же касается популярной культурной памяти места в ней 1812 года, то здесь можно заметить следующее. С одной стороны, 1812 год стал весьма значимым и многосложным объектом культурного наследия, в отношении которого проводятся работы по музеефикации, архивированию, реставрированию, реконструированию, каталогизированию и т.п.⁴² Если воспользоваться терминологией Яна Ассмана, Отечественную войну 1812 года можно назвать успешным примером «холодной» опции культурной памяти, которая призвана сопротивляться изменениям и поэтому обращается ко всему регулярно повторяющемуся, неизменному, создавая образ прошлого как «вечного настоящего». «Холодная» память выполняет консервативную функцию поддержания и увековечивания существующего порядка вещей, при этом акты воспоминания наполнены не уникальным позитивным содержанием⁴³. Это, собственно, и есть популярная культурная память в действии, если учесть, что «регулярный возврат прошлого» происходит при помощи тех или иных медиа. Парадокс 1812 года заключается только в том, что его популярность держится на старых публичных образах – новые просто не создаются (последние кино- и телепроекты, в числе которых «Уланская баллада», «Василиса Кожина», «Ржевский против Наполеона», «Адъютанты любви», «Неизвестная война 1812 года», в силу своей очевидной слабости не могут стать частью механизма культурной памяти). Работа здесь ведется скорее в направлении расширения и совершенствования научно-справочного аппарата, в выпуске высококачественной (во многих случаях) печатной продукции, от популярных, детских и просветительских изданий до серьезных академических трудов. Как и в предшествующие периоды, академическая и популярная историография этой войны представляет собой успешный и гармоничный альянс.

И второй момент, также касающийся специфики популярной культурной памяти. У 1812 года

⁴⁰ Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России / М.: Новое литературное обозрение, 2011. Стр.163.

⁴¹ Подробнее об этом см.: Сабурова Т. Отечественная война 1812 года в исторической памяти и коммеморативных практиках XIX – начала XX вв. / Отечественная война 1812 года. Экранизация памяти: Сб. научных статей. – М.: ВГИК, 2013. Автор при этом ссылается на статью, опубликованную в «Запросах жизни», в которой последовательно проводилась мысль, что главная роль в войне 1812 года, небывалом подъеме патриотического духа, принадлежала не народу (имелось в виду крестьянство, мечтавшее главным образом о воле), не купечеству (жертвовавшему на военные нужды, но и окупившему впоследствии свои расходы), не духовенству (призывавшему к борьбе с антихристом-Наполеоном), а передовому дворянству, которое современная интеллигенция может считать своими предками, предтечами. (Мстиславский С. Отечественная война // Запросы жизни. 1912. 24 августа. № 34. Ст. 1912).

⁴² В последние годы выходят характерные издания: Шишов А.В. 100 великих героев 1812 года. М.: Вече, 2012; Знаменательные даты. 2012. Отечественная война 1812: универсальный энциклопедический календарь-журнал для работников библиотек, школ и вузов, учреждений науки и культуры, любителей искусства и словесности. М.: Журнал «Библиотека», 2010; Безотосный В.М. Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2004; и мн. др.

⁴³ Подробнее об этом см.: Assmann, Jan. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. С. Н. Beck, München, 1992.

есть многочисленные поклонники, как если бы речь шла о популярнейшем произведении искусства. Он и есть в каком-то смысле произведение искусства – хронологически далеко отстоящее от современных поколений (личные связи с этой войной искать практически бесполезно), тщательнейшим образом сотканное (заслуга успешной исторической политики всех предшествующих лет) и являющее собой в каком-то смысле объект эстетического переживания. Вокруг 1812 года можно заметить также небывалый размах такого направления, как любительская история. Множество людей, не являющихся историками по образованию, являются тем не менее прекрасными специалистами в тех или иных вопросах, касающихся данной кампании. В целом, на примере 1812 года хорошо видно, как меняется место и роль исторического знания в современном мире. При таком количестве каналов коммуникации трудно возлагать на историю строго идеологическую задачу: учебники и академические труды играют все менее заметную роль в трансляции исторических сведений для широкой аудитории, эту функцию выполняют скорее популярные медиа, и каждый медиум «переопосредует» событие заново, привносит в него что-то свое. Сегодняшнее время – это скорее время интереса к истории событий, людей, артефактов. Актуализируется роль популярной истории, растет массовый интерес к биографиям, жизнеописаниям и мемуарам, работам, носящим историко-антропологический характер (посвященным повседневной культуре) и содержащим статистические данные, игровым и неигровым фильмам на исторические сюжеты. Неспециалисты проявляют внимание к архивным документам, как текстовым, так и изобразительным. И вокруг 1812 года, таким образом, активно развивается «история, которая принадлежит публике»: сюда включаются фестивали «живой истории», деятельность военно-исторических клубов и обществ ревнителей памяти Отечественной войны, любительские реконструкции, коллекционирование, и пр. «Одержимость историей», характерная для постписьменной цивилизации (согласно тезису Маклюна), то есть восприятие исторического события как «вечно свершающегося», выражается в намерении не выучить, а «прожить» историю. «Проживание» истории как важного элемента настоящего, с привлечением для этой цели различных средств, и является характерной чертой «популярной культурной памяти» сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Война 1812 года и концепт 'отечество'. Из истории осмысления государственной и национальной идентичности в России. Исследования и материалы / Науч. ред. М.В. Строганов. Твер. гос ун-т. Науч.-исследоват. Центр твер. краеведения и этнографии. Тверь: СФК-офис, 2012, 688 с.
2. Добренко Е. Музей революции: советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: НЛО, 2008.
3. Зоркая Н. Визуальные образы войны / Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – М.: Новое литературное обозрение, 2005.
4. Латышев А. «Суворов»: на взгляд полководца / Искусство кино. – 1990. – № 5.
5. Лотман Ю.М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры // Внутри мыслящих миров. Тарту, 1996.
6. Миллер А. Россия: власть и история / Pro et Contra, № 3-4, 2009: Историческая политика.
7. Копосов Н. Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
8. Покровский М.Н. Русская история. В 3-х тт. Т.3. СПб.: Полигон, 2002.
9. Покровский М.Н. Русская история. В 3-х тт. Т.2. СПб.: Полигон, 2002.
10. Слезкин Ю. Слава двенадцатого года. Новый исторический фильм «Кутузов» / Комсомольская правда. – 1944. – 19 марта.
11. Тарле Е.В. Освобождение России от нашествия Наполеона / Тарле Е.В. Сочинения: в 12 томах. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1957-1962. Т. 11.
12. Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямания в российской общественной жизни конца 19 – начала 20 века // Вопросы истории, 2005. № 11.

*В. Чистякова Отечественная война 1812 года в нарративах
«популярной культурной памяти»*

13. Assmann, Jan. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. C. H. Beck, München, 1992.
14. Erll, A. Gedächtnisromane. Literatur über den Ersten Weltkrieg als Medium englischer und deutscher Erinnerungskulturen in den 1920er Jahren. Trier, WVT, 200
15. Jay David Bolter and Richard Grusin. Remediation: Understanding New Media. Cambridge, MA: The MIT Press, 1999.
16. Kelley, Robert. Public History: Its Origins, Nature, and Prospects / Public Historian, Vol. 1 (Fall 1978)
17. Kukkonen, Karin. Popular Cultural Memory: Comics, Communities and Context Knowledge / Nordicom Review 29 (2008) 2, pp. 261-273
18. Linke, Gabriele. Populärliteratur als kulturelles Gedächtnis: Eine vergleichende Studie zu zeitgenössischen britischen und amerikanischen 'popular romance' der Verlagsgruppe Harlequin Mills & Boon. Heidelberg: Winter, 2003
19. Lipsitz, George. Time Passages: Collective Memory and American Popular Culture. University of Minnesota Press, 1989
20. Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory / Ed. by Erll, Astrid and Rigney, Ann. Walter de Gruyter, 2009
21. Nora, Pierre. Between Memory and History: Les lieux de mémoire / Representations, No. 26, (Spring, 1989)
22. On Media Memory: Collective Memory in a New Media Age / Oren Meyers, et al. (eds.). Palgrave Macmillan, 2011.
23. Popular Memory: Theory, Politics, Method / in: Making Histories: Studies in History-writing and Politics. Ed. Richard Johnson. London: Hutchinson, 1982
24. Zielinski, S. History as Entertainment and Provocation: The TV Series "Holocaust" in West Germany / in: New Germany, New German Critique (winter 1980/1).
25. Sobchak, V. The Persistence of History: Cinema, Television, and the Modern Event / New York: Routledge, 1996.